

Содержание

Предисловие автора	5
Зелёный следак.....	11

Часть 1. СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОКУРАТУРЫ,

НА ВЫЕЗД!	13
Отложенное задержание	15
Семь часов розыска.....	24
Верёвочные «парашюты».....	43
Наедине с трупом	49
Salve	61
Чашка чая после петли... ..	67
Мама, сынок и 9 сантиметров	72
Не приезжайте раньше на убийство	78
Опознание по всем правилам	82
Под следствием карманники	89
Визиты из Грузии.....	93
Опасный «гость» из Сухуми	100

Часть 2. ЛИКИ СКОРОПОСТИЖНОЙ

СМЕРТИ	113
Последняя книга в жизни	115
Сколько концов у папиросы?	119
Поезд из фильма ужасов	123
Замёрзнуть в октябре	129
Драка со смертельным исходом.....	135
Наследство для убогих	140

Часть 3. ПО ЛИНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НЕ ТОЛЬКО	145
Заглянув на дно бутылки	147
Чёрные маски	161
Компания или шайка?	174
Глубокие мотивы.....	186
На сленге оперативников — шпана.....	202
Восковые человечки.....	212
Осенью, в свободный вечер.....	227
Билет на концерт — скальпель!	242
Фальшивая витрина	259
Улыбка прокурора.....	272
Брак, заключённый у следователя.....	280
Когда закончено следствие.....	298
Часть 4. СИЛА ЗАКОНА И ЗАКОН СИЛЫ	315
Стрельба в поезде: кто виноват?	317
Закон и молоток	334

Предисловие автора

Когда-то заметный пласт в остросюжетной литературе занимали подобные записки. Недоброжелатели утверждали, будто записок больше, чем самих следователей. Хотя, конечно, это было преувеличением. В первых, когда занимаешься расследованием уголовных дел, на то, чтобы описывать эти самые дела и свою работу, нет ни времени, ни желания. Процессуальная писанина — протоколы допросов и других следственных действий, постановления, обвинительные заключения — составляет внушительный том (иногда их несколько, иногда десятки) из 100–300 исписанных собственноручно листов, что подтверждает мозоль от ручки на среднем пальце, выдающая следователя вернее, чем оперативная кобура под мышкой, демонстрируемая в далёких от жизни кинофильмах.

Такая работа отбивает охоту к добровольному производству письменных текстов. К тому же постоянное нервное напряжение, стрессы, связанные с непосредственным восприятием обстановки преступлений, вида чужой крови и беды, противостояние с преступниками, совершившими неприкрытое и не приукрашенное зло, — всё это выматывает и отбивает охоту описывать криминальные события второй раз, уже в литературной форме. Когда, после года работы, я ушёл в первый свой отпуск, я понял, насколько далеки от жизни сочинения про следователей и оперативников, использующих сво-

бодные дни не для отдыха, а для работы по неоконченным или прекращённым делам. Надо сказать, что и профессионалы, мягко говоря, не очень одобряли литературные упражнения молодых коллег, которые, впрочем, были представлены не во множественном, а в единственном числе.

— Зачем ты это пишешь? — спрашивали опытные мэтры следствия. — Ты знаешь, сколько я могу написать? Ведь за всю жизнь, наверное, около тысячи дел закончил!

И хотя я взялся за перо, уже покинув следственный кабинет, и только начинал публиковать в газетах небольшие рассказы, но всё равно чувствовал себя нежелательным конкурентом и пытался оправдаться:

— Так и вы пишете, а я у вас поучусь!

— И напишу! Выйду на пенсию — и напишу!

Но никто из знакомых «важняков» своего обещания не сдержал, за что осуждать их нельзя, ибо расследовать сложные дела гораздо труднее, чем их описывать. И ещё — то, что сам расследовал, не кажется интересным для широкого круга читателей: обыденность, канцелярская рутина, выполняемая по определённому и, как правило, однообразному процессуальному шаблону. То ли дело повесть или роман, где нет ограничивающих фантазию рамок и где можно закрутить самый крутой сюжет! И я никогда не думал возвращаться к воспоминаниям о следственной работе в семидесятые годы прошлого века. Однако со временем взгляды меняются. Другими стали преступники и преступления, изменились их причины и условия... В Гражданскую войну убивали за относительно целые сапоги или вязанку дров, в Великую Отечественную — за буханку хлеба и банку сметаны, в 1960-е под угрозой ножа снимали часы, в 70–80-е отнимали джинсы и кожаные куртки, воровали стереомагнитофоны, потом «видики», авто-

мобили, смартфоны, на каком-то этапе обилие предметов преступления сузилось до главного: денег! Менялось общественное сознание: уже сорванные в тёмном переулке «жинцы» или отобранный айфон не являются показателем жизненного успеха, а суммы, изымаемые у «хищников» (по терминологии оперативников ОБХСС 1970-х), перешагнули «расстрельный» рубеж в 10 тысяч рублей, миновали сотни тысяч, миллионы, перешли в разряд миллиардов и продолжают «завоёвывать» новые высоты... А меняется ли психология преступников, их взгляды на жизнь, отношения с окружающими?

Как-то незаметно я стал вспоминать дела давно прошедших лет, иногда тянуло на места старых происшествий; однажды, через двадцать пять лет, совершенно неожиданно написал стихотворение «Зелёный следак», которое отражало прошлые события, воспоминания и ощущения, став поэтическим дайджестом этой книги. Поскольку написано оно в день рождения жены, то ей я его и посвятил, ибо именно она была очевидцем моей следственной работы, она провожала меня ночью на происшествия, ждала после суточных отсутствий и встречала с дежурств.

Следствие не уходило из памяти, иногда из полувекковой давности всплывали даже фамилии обвиняемых и потерпевших. А чуткий сон на сдвинутых стульях в подвале УВД и морда служебной овчарки, от взгляда которой в упор я неоднократно просыпался, — это тоже было. И вроде бы совсем недавно...

Уже почти 20 лет преступность статистически снижается, но если в семидесятых несовершеннолетние пацаны, кравшие продукты из сараев и ларьков, брались под стражу и получали реальные сроки, то сейчас похитители десятков и сотен миллионов могут получить условную меру, и это никого особенно не удивляет. Надо

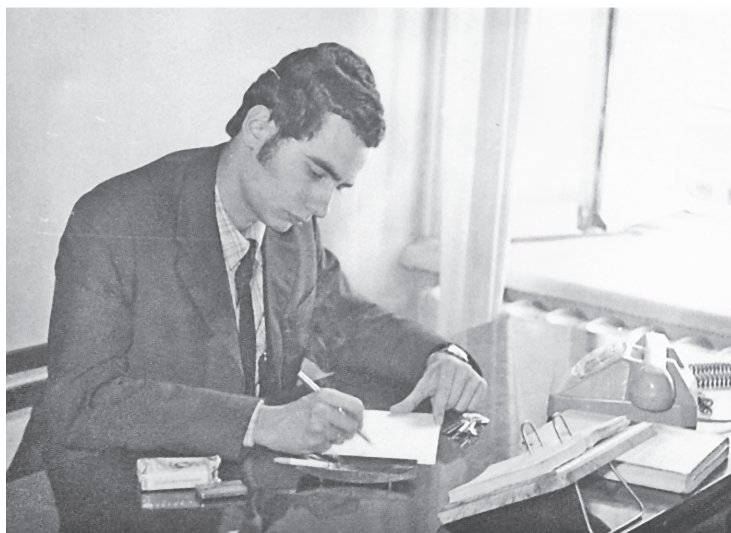
сказать, что, несмотря на множество суждений «диванных экспертов», расплодившихся в последнее время, очень трудно считать взломы подвалов «мелочовкой», тем более что количество неизбежно переходит в качество, и в этой книге показано, что кража соминого балыка совсем недалеко от стрельбы в незнакому школьницу, сопротивления сотруднику милиции, разбоя, изнасилования, нападения на бойца ВОХР с целью завладеть оружием...

Собственно, перечисленные обстоятельства и желание показать криминальную обстановку тех лет, то следствие, которое казалось обыденным, а при взгляде из будущего оказалось содержащим очень непростые и поучительные моменты, на которые в своё время по молодости не обращал внимания, и побудило включить голосовой блокнот. Тем более что апробация некоторых историй в моём телеграм-канале вызвала достаточный интерес и дискуссии среди подписчиков.

Создатели книг и фильмов не всегда представляют себе следственную работу. Иногда следователь у них бежит за преступником по крышам, вступает в рукопашные схватки и даже в перестрелки. Наверное, в единичных случаях бывает и такое, но это исключение, которое только подтверждает правило: подобным занимаются другие, специально обученные люди. Следователь — кабинетный работник, он мозг расследования, он вступает в нравственное противостояние и конфликты со многими людьми, которые совершенно не заинтересованы в успешном завершении дела. Поэтому некоторые процессуальные решения зачастую требуют смелости и решительности, как те схватки, которые щедрой рукой рассыпают по экранам и страницам сценаристы и писатели.

Когда берёшься за такие записки, наверное, хочется расцветить и отлакировать реальные дела, раскрасить

их яркими красками, придать интерес расследованию (большинство из которых совершенно обыденны и заурядны)... Это вполне естественное желание, которое я удовлетворил в почти семи десятках художественных и десятке научных книг о преступности. Поэтому и потребности такой не было — здесь я ничего не гримировал и не гламуризировал: описано то, что происходило в действительности. Как воспримут читатели эти записки? Надеюсь, так, как бы мне этого хотелось... И выводы, думаю, сделают правильные.

Д. А. Корецкий за работой, начало 70-х,
фото из личного архива автора

Зелёный следак

Жене Анне в день рождения
посвящаю

Призрачно-сине мигает маяк,
Рация вся в матюках...
В Ростове хватало убийственных драк
И в семидесятих годах.

От вспышек сильнее сгущается мрак
За лобовым стеклом.
В жёлтой машине — зелёный следак
С нервным худым лицом.

Опыта нет, и спадают штаны,
Мудрость придёт потом.
Но на висках ещё нет седины
В давнем времени том.

Нет модемов, компьютеров нет,
Нет сети «Интернет»,
Зато у власти сомнений нет,
И бессилия нет.

Нет бандитизма — ЧОНа штыки
Вымели всё под «ура!»...

Лишь Толстопятовы и Билыки,
Но их расстреляли вчера.

Вождям рукоплещет ликующий съезд,
А я жене туфли достал!
Киллеров нет, и родной подъезд
Опаснейшим местом не стал.

Ещё не построен высотный Ростов,
В диковинку бронезилет,
Но очень мало продажных ментов,
А в розыске — вовсе нет.

Нет проблем с «чистотой рядов»:
Гадам — от ворот поворот!
Пока «блатные» боятся ментов,
А не наоборот.

Ещё аккуратно зарплату дают,
Смешная плата за свет...
Книг моих, правда, не издают,
Да и книг ещё нет.

Тем, кто нас ждёт, мы не сможем помочь,
И судмедэксперт будет груб...
Семидесятых тревожная ночь,
Группа едет «на труп».

15.03.97